

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

О. В. Сидорович

НУМА И ПИФАГОР КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РИМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируется легенда, сохранившаяся в античной исторической традиции, которая связывала узами ученичества римского царя Нуму Помпилия и греческого философа Пифагора, а также событие 181 г. до н.э. в Риме, когда были найдены и сожжены по приказу сената книги Нумы. Сведения античных авторов позволяют определить время возникновения легенды о Нуме и Пифагоре, получить представление об этапах ее становления и формах бытования в римском обществе эпохи Республики. Подчеркивается роль сформировавшихся в недрах коллегии понтификов представлений о Нуме как создателе римской религии и права.

Ключевые слова: Древний Рим, Нума, Пифагор, Тиберий Корунканий, пифагореизм, римская историческая традиция, анналисты, антиквары, М. Теренций Варрон, понтифики, книги Нумы, римская религия.

В исторической традиции Рима город представлен как дважды основанный: первый акт основания был государственно-правовым и связан с именем Ромула, второй – религиозным, творцом которого являлся Нума. Противоположные, но дополняющие друг друга, личности этих царей воплощали в себе основные ценности римского гражданства – *virtus* (доблесть) и *pietas* (благочестие)¹. Греческие и римские историки, писавшие о началах Рима, не обходили своим вниманием обоих героев-основателей, но Нума безоговорочно вызывал у них больше симпатий. Этот факт, по-видимому, можно объяснить убеждением каждого античного автора в том, что религия скрепляет все политико-правовые институты общества в единую систему, нацеленную на благополучие гражданского коллектива.

Корпус сведений, содержащихся в античной традиции о Нуме, распадается на два блока. В одном рассказывается о мероприятиях Нумы по созданию религиозной системы римской общины, в другом – о находке и дальнейшей судьбе книг этого римского царя спустя шесть веков после его правления. Связующим персонажем здесь является Пифагор, который был не столько философом, сколько мудрецом и мисти-

¹ Liv. 1.21.6: ita duo deinceps reges, alius alia via, ille bello, hic pace, civitatem auherunt. Термин *pietas* трактовался широко – как исполнение долга по отношению к старшим в семье, гражданскому коллективу и к миру богов.

ком². Представление о том, что второй царь Рима Нума Помпилий был учеником Пифагора Самосского прочно утвердилось в античной традиции и, можно сказать, никогда не уходило из нее.

Анализ сохранившейся традиции о пифагореизме Нумы следует начать с сочинения Цицерона «О государстве». Участники этого диалога рассуждают о том, был ли Нума учеником Пифагора. Первое, что привлекает внимание, это ссылка беседующих на различные формы бытования рассказа о Нуме и Пифагоре: устная традиция и государственные летописи³. Получается, что рассказ об ученичестве Нумы у Пифагора изначально существовал в устной форме и имел широкое хождение в римском обществе. Однако этот факт, по мысли Цицерона, ещё не обеспечивал ему надежного места в исторической традиции, поскольку не был зафиксирован письменно⁴. Для Цицерона надежность свидетельства, его *auctoritas*, гарантируется присутствием в *annales publici*. Какого рода сочинения могли скрываться под этим термином? Принимая во внимание то, что нам известно об отношении Цицерона к историческим сочинениям авторов предшествующих поколений⁵, думается, что в словах *publici* и *auctoritate* латинского текста подразумевается сочинение более весомое и значимое для него, нежели произведения первых римских историков. Скорее всего речь здесь шла об анналах понтифика, начало которых можно отнести к IV в. до н.э.⁶

Время действия диалога отнесено к 129 г. до н.э., когда римская историография уже прошла путь становления от грекоязычной к латиноязычной прозе и окончательно закрепила за собой в качестве приоритетной анналистическую форму изложения. Значит, если следовать Цицерону, первые римские историки или не были ещё знакомы с версией ученичества Нумы у Пифагора, или Цицерон в данной ситуации не

² Varro ap. Aug. C.D. 7.35. В развернутом виде такая характеристика Пифагора содержится в кн.: Суриков. 2013.

³ Cic. De rep. 2.28: saepe enim hoc de maioribus natu audivimus et ita intellegimus vulgo existimari, neque vero satis id annalium publicorum auctoritate declaratum videmus.

⁴ Для Цицерона (De rep. 2. 18), например, Ромул был историческим лицом, поскольку жил в эпоху распространения письменности, которая обеспечивала достоверность событиям. Поэтому, в его представлении, записанное было равнозначно достоверному.

⁵ Цицерон не слишком высоко оценивал ранних римских историков, когда речь шла о стилистических особенностях их сочинений (Cic. De orat. 2.51-53; De leg. 1.6; De div. 1.43,55). Но и когда ему требовалась более точная информация, он предпочитал им других авторов, например, Полибия (Cic. De rep. 2.27). Подробнее о степени знакомства Цицерона с историческими сочинениями своих предшественников см.: Fleck. 1993.

⁶ Сидорович 2005. С. 52 сл.

принимает в расчет существование такой возможности⁷. Второе предположение кажется более вероятным.

Ко II в. до н.э. относится литературная деятельность анналистов Кассия Гемины и Кальпурния Пизона. В сохранившихся фрагментах их сочинений говорится о книгах Нумы, в которых содержались основные положения философии Пифагора⁸. О книгах Нумы, их содержании и находке в 181 г. до н.э. речь пойдет ниже. В данном случае важно отметить, что этим авторам было знакомо представление о пифагореизме Нумы. О книгах Нумы и об их философском содержании знал и Валерий Анциат, анналист I в. до н.э.⁹ В диалоге «О государстве» Цицерон передает две версии о пифагореизме Нумы: в одном случае Нума был учеником самого Пифагора, в другом – просто пифагорейцем¹⁰. В диалоге «Об ораторе» Цицерон характеризует Нуму Помпилия всего лишь как пифагорейца¹¹. За этой характеристикой угадывается увлечение Нумы философией Пифагора и следование его догмам, что совсем не подразумевает их отношений как учителя и ученика. Тем самым можно говорить о бытовании в Риме двух вариантов традиции о Нуме и Пифагоре: в одном случае Нума признавался учеником греческого философа, в другом – отмечалось только поведение Нумы как государственного деятеля в соответствии с учением Пифагора.

В центре нашего внимания находятся три вопроса: когда возникла легенда о Нуме как ученике Пифагора и когда она сменилась более «мягкой» версией его пифагореизма, а также на каком основании возникло устойчивое представление о связи римского царя и греческого мудреца? Ответ на первый вопрос предложил ещё во второй половине XIX в. немецкий ученый А. Шwegлер. Он относил возникновение пред-

⁷ Существует точка зрения, что первый римский историк Фабий Пиктор не мог не писать о Нуме, причем ядром рассказа были *leges regiae*, которые приписывались Нуме (Rosen 1985. Bd. 15. S. 78-79). Впоследствии это же предположение высказал М. Фокс (Fox 1996. P. 250).

⁸ *Hemina* Fr. 37 P., *Piso* Fr. 11 P. = *Plin.* N.H. 13. 84-88.

⁹ *Antias* Fr. 8 P. = *Plin.* N.H. 13.87. Современные исследователи по-разному определяют время жизни и творчества Валерия Анциата. Анциат как анналист султанского времени: *Ogilvie* 1965. P. 12-13. Дж. Клауд датирует литературную деятельность Анциата временем Цезаря с ее продолжением, по крайней мере, в начале 30-х гг. (*Cloud* 1977. V. 2. P. 225-227). Г. Форсайт называет Анциата писателем эпохи Цицерона, помещая творческую деятельность историка-анналиста между 70 и 40 гг. I в. до н.э. (*Forsythe* 2002. P. 99-102).

¹⁰ *Cic.* De rep. 2.28: ...regem istum Numam Pythagorae ipsius discipulum aut certe Pythagoreum fuisse?

¹¹ *Cic.* De orat. 2.154: quidam Numam Pompilium, regem nostrum, fuisse Pythagoreum ferunt.

ставлений о личных связях Нумы и Пифагора к эпохе Самнитских войн или ко времени до предполагаемой находки книг Нумы в 181 г.¹² В ещё более раннее время, предшествовавшее захвату Рима галлами в 390 г. до н.э., помещает возникновение этой легенды Г. Льюис¹³. Т. Дайер оспаривает датировку легендарного эпизода, принятую его предшественниками, и склоняется к относительно поздней дате, ко времени появления первых исторических сочинений в Риме, авторами которых были Фабий, Цинций и др.¹⁴, т.е. к концу III в. до н.э. В конце XIX в. Э. Пайс высказал идею о роли Аристоксена из Тарента, ученика Аристотеля, в создании легенды о Нуме и Пифагоре¹⁵. Впоследствии она нашла поддержку в работах Э. Габбы и Э. Грюэна¹⁶. Аристоксен (конец IV – начало III в. до н.э.) был большим почитателем Пифагора и написал биографию самосского мудреца. Но одно дело заронить мысль о том, что Пифагор наставлял Нуму в законотворчестве, как Харонда и Залевка¹⁷, известных законодателей в городах Южной Италии, другое – принять легенду и сделать ее частью своей истории.

Рассказы о Пифагоре стали появляться довольно рано в Великой Греции, где в VI в. до н.э. распространилось его религиозно-философское учение. По свидетельству Плутарха (Numa 8.17), комик Эпихарм сообщает, что римляне даровали Пифагору права гражданства. Эпихарм жил в Сиракузах во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. и был учеником Пифагора, поэтому его свидетельство могло рассматриваться как самое раннее и впоследствии лечь в основу версии, сближавшей римского царя с греческим философом. Однако ключевым моментом в этом случае является упоминание о предоставлении гражданского статуса выходцу из Южной Италии. Известно, что практика предоставления прав римского гражданства эллинизированным обитателям Южной Италии началась с кампанцев во второй половине IV в. до н.э. Этот факт выдает позднюю подделку, датируемую IV в., которая приписывается Эпихарму¹⁸. Позже к ранней истории Рима обратился Тимей Сицилийский – серьезный и авторитетный автор, имевший широкую читательскую ауди-

¹² Schwegler 1884. Bd. I. S. 561.

¹³ Lewis 1855. V. I. P. 449-452.

¹⁴ Dyer 1868. P. 167.

¹⁵ Pais 1898. V. I. P. 387.

¹⁶ Gabba. 1967. P. 157-163; Gruen. 1990. P. 160. Современные исследователи считают, что к сведениям Аристоксена можно относиться с большим доверием, поскольку ему хорошо был знаком пифагорейский опыт (Суриков 2013. С. 146, 198).

¹⁷ Diog. Laert. 8.16.

¹⁸ Kaibel 1907. Bd. 6.1. S. 34-41; Humm 2014. P. 45.

торию¹⁹. Тимей писал о римских царях, но это не значит, что он знал версию знакомства Нумы и Пифагора или являлся ее создателем²⁰.

Римляне обратились к сочинениям греков Южной Италии не ранее конца III в. до н.э., когда начали писать свою историю на греческом языке, следуя образцам греческой историографии. Тогда же, возможно, среди римских авторов стала оформляться идея об отношениях ученичества, которые связывали Нуму и греческого мудреца. По мнению М. Фокса, об ученичестве Нумы у Пифагора мог писать уже Энний или ещё раньше Фабий Пиктор²¹. Вряд ли греки знали что-то конкретное о римском царе Нуме. Но литературная культура того времени, когда работал Фабий, была греко-римской²². Поэтому и автор, и его аудитория воспринимали свое прошлое в греческих парадигмах, под влиянием которых создавался образ мудрого царя. Основание связать Нуму и Пифагора скрывалось в представлении о реальном или мнимом сходстве установлений Нумы с догмами Пифагора. Мудрец и правитель имели много точек соприкосновения: отказ от кровавых жертвоприношений и изображений богов, следование распространенному у пифагорейцев обету хранить молчание²³, а также почитание огня как центра Вселенной. Последнее представление нашло выражение в строительстве Нумой круглого в плане храма Весты, который, по утверждению Плутарха (Numa 11.1-2), воспроизводил очертания Вселенной.

Возможность непосредственного контакта Нумы и Пифагора не вызывала сомнений. Во многом этому способствовало отсутствие на-

¹⁹ *Dionys.* 1.6.1; *Polyb.* 12.25c. 1; 26d.1.

²⁰ *Dionys.* 1.6.1. Тимей, например, знал о реформе Сервия Туллия. См.: *Plin.* N.H. 33.43: *Servius rex primus signavit aes. Antea rudi usos Romae Timaeus tradit* (Царь Сервий первым отчеканил монету. Тимей сообщает, что прежде в Риме использовали медь в слитках). Однако это не свидетельствует о том, что он последовательно изложил историю римских царей, так как собеседники в диалоге «О государстве» отмечают, что до них (т.е. к последней трети II в. до н.э.) от царского времени дошли только имена царей. См.: *Cic. De rep.* 2.33: *...sed temporum illorum tantum fere regum illustrata sunt nomina*. По мнению Р. Томсена, исчерпывающе написал о Сервии Туллии пионер римской анналистики – Фабий Пиктор. Исследователь указывает в данном случае на существование греческой исторической традиции независимой от римских анналистических сочинений (*Thomsen.* 1980. P. 20, 55).

²¹ *Fox* 1996. P. 250. Считается, что свидетельства Овидия о Нуме (*Fast.* 3.151-154; *Met.* 15.1-11, 60-68, 479-484) восходят непосредственно к Эннию (*Humm* 2014. P. 37).

²² Так характеризует культурную среду, в которой развивалась римская литература Дж. Диллери. По его мнению, римская литература не знала «догреческого» периода, т.е. того времени, когда римский миф ещё не был облачен в греческие одежды (*Dillery* 2002. P. 22). См. также: *Feeney* 1998. P. 50-52.

²³ *Plut.* Numa 8. 2-8.

ка у первых римских историков самостоятельно производить хронологические расчеты, на что позже обратил внимание Цицерон²⁴. Самая ранняя попытка римлян определить хронологические границы своей истории связана с введением «капитолийской эры» Гнеем Флавием в конце IV в. до н.э.²⁵ Эта акция Флавия впоследствии послужила основой для разработки хронологии Римской республики²⁶. А как же обстояло дело с историей царского периода? Живший в Риме в середине II в. до н.э. греческий историк Полибий взялся за приведение в порядок хронологии ранней римской истории. Его усилиями было уточнено время царствования Нумы Помпилия, в результате чего стала очевидной хронологическая нестыковка царствования Нумы и жизни Пифагора²⁷. Возможно в это время и под влиянием хронологических изысканий Полибия появился смягченный вариант легенды, в котором речь шла только о пифагореизме Нумы.

Несмотря на то, что участники диалога высоко оценили вклад Полибия в создание хронологии римской истории, они апеллируют к своим хронологическим выкладкам, которые основываются на выработанной Тимеем общей хронологии, построенной на счете лет по Олимпиадам²⁸. С её помощью Тимеем удалось синхронизировать события, происходившие в разных частях Средиземноморского мира²⁹. Результатом такого подхода стало выстраивание римской истории в соответствии с греческой хронологией. Однако на этом влияние греческой историографии заканчивается: «из этого, – продолжает участник диалога Сципион, – рассчитав годы царствований, можно понять, что Пифагор впервые приехал в Италию приблизительно через сто сорок лет после смерти Нумы,

²⁴ *Cic. Tusc. 4.3: nam cum Pythagore diciplinam et instituta cognoscerent... aetates autem et tempora ignorarent propter vetustatem, cum, qui sapientia excellerent, Pythagorae auditorem crediderunt fuisse.*

²⁵ *Plin. NH. 33.19: Flavius vovit aedem Concordiae... inciditque in tabella aerea factam eam aedem CCIII annis post Capitoliam dedicatam.*

²⁶ *Konnee 2007. № 2. С. 51.*

²⁷ *Cic. De rep. 2.27: sic ille cum undequadragesima annos summa in pace concordiae regnavisset, – sequamur enim potissimum Polybium nostrum, quo nemo fuit in exquirendis temporibus diligentior...* Согласно Полибию, Нума процарствовал 39 лет. Более века спустя примеру Полибия последовал Дионисий Галикарнасский (2.59.4), который произвел самостоятельные расчеты времени жизни римского царя и самосского мудреца и пришел к выводу, что Нума процарствовал 43 года (*Dionys. 2.76.5*). Ливий (1.21.6) также говорит о сорока трех годах царствования Нумы.

²⁸ *Brown 1958. P. 13.*

²⁹ Приезд Пифагора в Италию совпал с началом царствования в Риме Тарквиния Гордого, причем оба события прились на 62-ю Олимпиаду (*Cic. De rep. 2.28*), т.е. на 532–529 гг. до н.э. См. также: *Cic. Tusc. 1.38; 4.2.*

и у тех, кто изучал летописи событий тщательно, это никогда не вызывало никаких сомнений» (пер. В.О. Горенштейна). Значит, окончательную хронологию царского периода римляне выстроили уже самостоятельно. Когда и при каких обстоятельствах это могло произойти?

Встречающееся в данном контексте словосочетание «летописи событий» (*temporum annales*) близко по содержанию понятию «государственные летописи» (*annales publici*), на которые уже ссылались участники диалога в связи с традицией о Нуме, и соответствует летописям (анналам) понтифика. Известно, что в 130 г. до н.э. великий понтифик Публий Муций Сцевола собрал все имевшиеся к этому моменту понтификальные записи в единый свод. Возможно его работа не была чисто механической, но главной его заслугой является то, что он сделал анналы понтифика доступными для широкой публики.

Несомненно, хронологические расчеты велись самими римлянами и прежде всего в кругу великого понтифика. Однако начало им было положено задолго до понтификата Сцеволы. Ещё А. Энман утверждал, что древнейшее издание понтификальных анналов было предпринято во время I Пунической войны и связано с именем Тиберия Корункания – первого понтифика из сословия плебеев (264–250 гг. до н.э.)³⁰. Возможно в это время римляне впервые осуществили попытку рассчитать правление своих царей, правда, опираясь пока ещё на существовавшую версию Тимея³¹. Однако собственных усилий оказалось недостаточно, чтобы разрушить укоренившееся заблуждение, и для большей убедительности другой участник диалога, Манилий, подкрепляет их утверждением, что римляне воспитаны не на заморских науках, а на своих собственных доблестях³². Позже Ливию (1.18.2) уже не понадобились точные хронологические вычисления, чтобы доказать ложность утверждения о том, что Нума был учеником Пифагора. Он сразу приводит неоспоримый аргумент, который восходит к Цицерону, с одним лишь уточнением: не иноземная наука вскормила добродетели римского царя, но древнее сабинское воспитание, суровое и строгое³³.

³⁰ *Enmann* 1902. Bd. 57. S. 525 ff.

³¹ А.В. Коптев считает, что в это время число царей равнялось восьми (*Konnet* 2006. № 3. С. 57).

³² *Cic. De rep.* 2.29: ac tamen facile patior non esse nos transmarinis nec inportatis artibus eruditos, sed genuinis domesticisque virtutibus. Цицерон всегда подчеркивал независимость римской культуры от иноземных образцов (*Cic. Tusc.* 4.4).

³³ *Liv.* 1.18.4: suopte igitur ingenio temperatum animum virtutibus fuisse opinor magis instructumque non tam peregrinis artibus quam disciplina tetrica ac tristi veterum Sabinorum...

Отказавшись от версии ученичества Нумы у Пифагора по хронологическим соображениям, римские авторы подкрепили свой отказ обращением к собственной доблести, основанной на древнем сабинском воспитании. Соблазнительно предположить, что последний штрих был добавлен Ливием под влиянием образа Нумы, созданного Варроном. Во-первых, именно с Нумой в одной из своих сатир Варрон отождествляет нравы предков³⁴. Во-вторых, сабинское происхождение Нумы как нельзя лучше демонстрировало роль этого народа, к которому принадлежали предки Варрона, в становлении римской культуры³⁵. Но выбор «чужеземца» Нумы на роль реформатора римской религии, по всей видимости, все же связан не с Варроном. Это могло произойти гораздо раньше, когда Рим в ходе I Пунической войны впервые принял на своей территории культы иноземного происхождения. За адаптацией новых культов к религиозным традициям Рима следила коллегия понтификов, поэтому превращение сабинянина Нумы в царя-реформатора религии могло произойти под непосредственным руководством великого понтифика Тиберия Корункания, при котором, как уже говорилось, была пересмотрена хронология царского периода. Но возможно, что Корунканий уже имел в своем распоряжении свидетельства, которые открывали путь для подобного превращения. Эти свидетельства могли происходить из рода Марциев, члены которого появились в коллегии понтификов сразу же после принятия закона Огульниев (300 г. до н.э.)³⁶, открывавшего путь в жреческие коллегии (понтификов и авгугов) представителям сословия плебеев. Ливий (1.20.5), кстати, единственный автор, который рассказывает о том, что царь Нума назначил великим понтификом Нуму Марция, сына Марка. В этом сообщении угадывается присутствие семейного предания Марциев³⁷, которое, став частью понтификальной традиции, попало в сочинение Ливия. Таким образом, в недрах коллегии понтификов активно формировалась историко-правовая традиция³⁸, которая со

³⁴ Fr. 24. P. 227 R.: *Haec Numa Pompilius fieri si viderit, sciet, suorum institutorum nec volam nec vestigium apparere.*

³⁵ *Pascucci*. 1979. V. 2. P. 346.

³⁶ *Liv.* 10.9.2.

³⁷ Следы семейного предания Марциев сохранились также в их генеалогии. Марции выводили свой род от брака некоего Марция с единственной дочерью Нумы – Помпилией (*Plut.* Numa 21.3).

³⁸ На это обстоятельство указывает Цицерон, который относит к царскому периоду возникновение известного в республиканскую эпоху права провокации, ссылаясь при этом на свидетельства понтификальных и авгуральных книг (*Cic. De rep.* 2.54: *provocationem autem etiam a regibus fuisse declarant pontificii libri, significant nostril etiam augurales...*).

временем возложила на Нуму не только обязанность упорядочить религиозную систему Рима, но, с учетом его сабинского происхождения, превратить сабинские культы из чужеземных в римские, продемонстрировав тем самым, что римляне уже с давних времен имели опыт решения такой непростой проблемы.

Принятое во внимание последующими поколениями римских историков хронологическое несоответствие правления Нумы времени жизни Пифагора тем не менее не затрагивало истинности самой легенды. Поэтому, несмотря ни на что, представление о личном контакте Нумы и Пифагора оказалось столь устойчивым, что его понадобилось опровергать участникам Цицероновского диалога, время действия которого приходится на 129 г. до н.э. Позже Варрон в логисторике «Курион» развел во времени Нуму и Пифагора³⁹. И хотя антиквар отметил, что оба они обращались к изобретенному персами искусству гидромантии⁴⁰, не называл Нуму учеником великого самосца. Современники Ливий и Дионисий Галикарнасский, а позже и Плутарх, по-прежнему опровергали утверждение о том, что Нума был учеником Пифагора⁴¹. Этот факт свидетельствует о том, что подобные представления, несмотря на их абсурдность, дожили до позднего времени, причем попытки их рационализации предпринимались неоднократно⁴².

Важной частью традиции о Нуме-пифагорейце является рассказ о находке в 181 г. до н.э. у подножия Яникула книг Нумы. Этот рассказ неразрывно связан с возможным ученичеством Нумы у Пифагора и возвращает нас к тому, что легенда о Нуме и Пифагоре имела широкое хождение ко времени появления первых исторических сочинений в Риме.

Античные авторы рисуют нам следующую картину. Самые ранние свидетельства о находке книг Нумы, причем ближайšie по времени к самому событию, встречаются во фрагментах сочинений римских анналистов – Кассия Гемины, Кальпурния Пизона, Валерия Анциата. Отрывки из сочинений этих трех авторов сохранились в передаче Плиния

³⁹ *Aug. C.D.* 7.35: Quod genus divinationis idem Varro a Persis dicit allatum, quo et ipsum Numam et postea Pythagoram philosophum usum fuisse commemorat.

⁴⁰ С персидскими магами связывали искусство гидромантии также Страбон (16.2.39) и Плиний Старший (N.H. 37.192).

⁴¹ *Liv.* 1.18.2; *Dionys.* 2.59.1-2; *Plut.* Numa 1.2-4. Плутарх (Numa 22.4) указывает на ошибки тех, кто сблизает Нуму и Пифагора.

⁴² Можно предположить, что Ливий (1.18.2) и Дионисий (2.59.4) уже сталкивались с подобными попытками, но не упоминают их как не увенчавшиеся успехом. По одной из версий, приведенной Плутархом (Numa 1.3), Нуму наставлял в государственных делах некто Пифагор Спартанский.

Старшего⁴³, и при том, что повествуют они об одном и том же событии, имеют едва уловимые, но важные для нас, расхождения.

В приведенной Плинием прямой цитате из сочинения Кассия Гемины не говорится о том, что книги Нумы были пифагорейскими по содержанию. Это пояснение исходит от самого Плиния и не имеет никакого отношения к тексту Гемины⁴⁴. Далее Плиний констатирует, что Пизон рассказывает то же, что и Кассий Гемина, с той лишь разницей, что у него говорится о семи книгах, относящихся к понтификальному праву, и о стольких же книгах пифагорейского содержания⁴⁵. Пожалуй, Пизон был первым, кто конкретизировал содержание латинских книг Нумы как относящихся к понтификальному праву. Валерий Анциат, со слов Плиния, упоминает лишь о двенадцати, написанных на латинском языке, книгах, содержавших нормы понтификального права, и о таком же количестве написанных по-гречески книг философского содержания⁴⁶. Такую же информацию со ссылкой на Анциата приводит Плутарх⁴⁷. Очевидно, что в полном тексте сочинения Анциата присутствовала характеристика книг Нумы как пифагорейских по содержанию⁴⁸.

В рассказе о событиях 181 г. Тит Ливий использует в качестве своих источников сочинения и Пизона, и Анциата, но по имени упоминает лишь последнего. От Пизона он заимствует количество книг Нумы (семь латинских и семь греческих), правда содержание второй группы книг определяется им расплывчато как относящихся к «науке мудрости того времени»⁴⁹. Таким образом, можно говорить, во-первых, о том, что ан-

⁴³ *Cass. Hemina* Fr. 37 P. = *Plin.* N.H. 13.84-86; *Piso* Fr. 11 P. = *Plin.* N.H. 13.87; *Antias* Fr. 8 P. = *Plin.* N.H. 13.87.

⁴⁴ *Plin.* N.H. 13.86: in his libris scripta erant philosophiae Pythagoricae. *Rosen* 1985. S. 73.

⁴⁵ *Plin.* N.H. 13.87: hoc idem tradit Piso Censorius primo commentariorum, sed libros septem iuris pontificii, totidem Pythagoricos fuisse.

⁴⁶ *Plin.* N.H. 13.87: Antias secundo libros fuisse (trahit) XII pontificales Latinos, totidem Graecos praesepa philosophiae continentes.

⁴⁷ *Antias* Fr. 7 P. = *Plut.* Numa 22.4.

⁴⁸ *Antias* Fr. 9 P. = *Liv.* 40.29.8: adicit Antias Valerius Pythagoricos fuisse... Валерий Анциат дважды обращался к этому предмету: во второй книге своего сочинения он упоминает о существовании книг Нумы (*Plin.* N.H. 13.87 = Fr. 8 P.), а об их находке и сожжении в 181 г., по подсчетам Г. Форсайта, должен был рассказывать в пятьдесят третьей книге (*Forsythe* 2002. P. 107).

⁴⁹ *Liv.* 40.29.7: septem Latini de iure pontificum errant, septem Graeci de disciplina sapientiae, quae illius etatis esse potuit. Следующие за этой фразой слова нового предложения (adicit Antias Valerius) позволяют говорить о том, что Ливий до этого момента пользовался сочинением какого-то другого автора, как мы предполагаем, Кальпурния Пизона. К. Розен считает, что Ливий использует здесь Пизона косвенно, заимствуя его сведения из сочинения Клавдия Квадригария, который был основным

налист Пизон, проявлявший особый интерес к личности царя⁵⁰, сделал Нуму пифагорейцем, а во-вторых, о нарастании на протяжении века (от 1-ой пол. II в. до сер. I в.) тенденции связывать книги Нумы с учением Пифагора, что ко времени Ливия всё ещё оставалось широко распространенным представлением, вызывавшим критику историка.

На вторую половину I в. до н.э. приходится кульминация творчества Цицерона и Варрона. Выше уже говорилось о неприятии Цицероном легенды об ученичестве римского царя у греческого философа, поэтому он избегает рассказывать о событии 181 г. Однако совсем игнорировать его он все-таки не может. Поэтому, с одной стороны, Цицерон допускает, бытование правового наследия Нумы в письменной форме⁵¹, с другой – признает его передачу в устной форме⁵². Тем самым, если Цицерон принимал существование книг Нумы, то, похоже, только латинских. Сведения Цицерона о Нуме следует оценивать в контексте взглядов римского оратора на историю⁵³, которые можно представить на основании его экскурса в раннюю римскую историю во второй книге диалога «О государстве». Как следует из беседы участников диалога Публия Африканского и Манилия, правление Нумы относится не к области предания (*fabula*), а к исторической эпохе⁵⁴. Деление истории Рима на мифическую и историческую эпохи Цицерон заимствует у Варрона, который, правда, распространял подобную периодизацию на историю человечества в целом⁵⁵.

источником для Ливия, начиная с 38-ой книги (*Rosen* 1985. S. 69). Утверждение Розена повторяет ранее высказанную точку зрения А. Клотца (*Klotz*. 1964. S. 58).

⁵⁰ Кальпурний Пизон возводил свой род к Кальпу – одному из четырех сыновей Нумы (*Plut. Numa* 8.18-19, 21.2-3). Гней Геллий, анналист конца II в. до н.э., говорил о единственной дочери Нумы – Помпилии, от которой родился Анк Марций (*Cn.Gell. Fr.* 17 P. = *Dionys.* 2.76.5; *Plut. Numa* 21.1). Впоследствии многочисленное потомство Нумы ставил под сомнение Клавдий Квадригарий (*Plut. Numa* 1.2).

⁵¹ *Cic. De rep.* 2.26: et animos propositis legibus his quas in monumentis habemus...mitigavit. *Cic. De rep.* 5.3: illa autem diuturna pax Numae mater huic urbi iuris et religionis fuit, qui legum etiam scriptor fuit quas scitis extare...

⁵² *Cic. De rep.* 2.27: nam quae perdiscenda quaeque observanda essent, multa constituit...

⁵³ Подробнее об этом см.: *Emperors and Historiography*. 2010. P. 15-26.

⁵⁴ *Cic. De rep.* 2.28-29. Выше Цицерон отметил, что для древности характерны сказания, а для современной эпохи – достоверные рассказы (*Cic. De rep.* 2.19: antiquitas enim geseit fabulas fictas...). Водоразделом между сказаниями и историческими событиями для Цицерона был захват Ромулом Альба-Лонги и убийство Амулия (*Cic. De rep.* 2.4: iam a fabulis ad facta veniamus). При этом предания не содержат никакой достоверной информации (*Cic. De leg.* 1.4: Nihil sane, nisi ne nimis diligenter inquiras in ea quae isto modo memoriae sint prodita).

⁵⁵ *Censor. De die nat.* 21.1. Границей между мифическим и историческим временем для Варрона является 776 год – год первой олимпиады, который стал точкой

Поэтому существование книг Нумы, относящихся к области понтификального права, воспринимается Цицероном как исторический факт.

Подобные, идущие от Цицерона, установки были реализованы Ливием при описании царствования Нумы в 1-ой книге «Истории Рима» и одновременно Дионисием Галикарнасским. Рассказывая об учреждении Нумой должности понтифика, Ливий (1.20.6) оставляет читателю возможность предположить, что в ведении понтифика находились составленные царем книги, в которых «чужим» обрядам и культам было придано положение наравне с исконно римскими религиозными практиками, т.е. можно предположить, что книги Нумы относились исключительно к области понтификального права. Дионисий в большей мере зависел от конкретных формулировок латиноязычных авторов и потому почти дословно переложил на греческий язык рассуждения Цицерона⁵⁶, принимая, очевидно, распространенное среди части римских интеллектуалов представление о записи Нумой норм понтификального права.

Откуда возникла идея, связавшая Нуму с понтификальным правом, сделавшая его автором последнего, идея, которая, как представляется, легла в основу традиции о находке его книг религиозного содержания? Ведь в данном случае он выступает не просто как создатель религиозной системы Рима, но и как родоначальник правовой науки. Отвечая на поставленный вопрос, мы должны обратить внимание на следующий факт. Создание канонической версии «национальной» истории в Риме шло рука об руку с формированием правовой традиции в сочинениях, авторами которых были такие же государственные деятели республики, как и первые историки. Превращение права в понятное и общедоступное началось с обнародования в 304 г. до н.э. эдиклом Гнеем Флавием исковых формул и календаря⁵⁷. Позже в Риме стали появляться сочинения, посвященные толкованию различных правовых норм. Первым в этом ряду Помпоний (II в. н.э.) назвал Тиберию Корункания, который не только занимался преподаванием гражданского права, но и писал сочинения по этим вопросам⁵⁸.

отсчета «олимпийской эры». Для изложения истории римского народа Варрон пользовался иной периодизацией, о чем свидетельствует Августин (C.D. 18.2) со ссылкой на сочинение Варрона *De gente populi Romani*. Об интересе Варрона к вопросам хронологии римской истории см.: *Heilen*. 2007. V. 1-2. P. 43-68.

⁵⁶ *Dionys.* 2.73.4 -74.1: τὰ <...> βοηθητηθέντα ὑπὸ τοῦ Νόμα <...> τὰ μὲν ἐγγράφοις περιληφθέντα νόμοις <...> τὰ δ' ἔξω γραφῆς εἰς ἐπιτηδεύσεις ἀχθέντα καὶ συνασκήσεις χρόνιους.

⁵⁷ *Liv.* 9.46.5; *Cic.* *De orat.* 1.186.

⁵⁸ *Dig.* 1.2.2.35: ...ex omnibus, qui scientiam nacti sunt, ante Tiberium Coruncanium publice professum neminem traditur; *Dig.* 1.2.2.38: cuius tamen scriptum nullum extat, sed response complura et memorabilia eius fuerunt.

Возможно, что его имя как первого понтифика из плебеев можно связать со становлением понтификального права как отрасли гражданского права⁵⁹. Впоследствии в этом направлении работали Публий Корнелий Сципион Назика – великий понтифик 150 г. до н.э., Квинт Фабий Максим Сервилиан, консул 142 г. до н.э., Публий Муций Сцевола. Интерес к этой области права не ослабевал и в I в. до н.э., когда появилось сочинение под названием *De Iure Sacro*, авторство которого приписывается некоему Манилию. Важный вклад в этот жанр сакрально-правовых сочинений внес друг Цицерона Гай Требатий Теста, написав девять или десять книг по религиозным вопросам (*De Religionibus*). Именно к таким сочинениям обращался Цицерон, когда, по его словам, «дело касалось религии»⁶⁰. Не будет преувеличением предположить, что авторы этих сочинений (возможно, следуя Тиберию Корунканию) отнесли запись понтификального права к деятельности Нумы подобно тому, как историки-анналисты приписали Ромулу основание Города, а Сервию Туллию – создание гражданской организации. В свою очередь анналисты использовали информацию сакрально-правового содержания, что подтверждается отрывком из сочинения Пизона (2-я пол. II в. до н.э.), где, как мы видели, он охарактеризовал лагинские книги Нумы как относящиеся к понтификальному праву.

Впоследствии Плутарх (Numa 22.2) соединил все бытовавшие на то время версии в один рассказ о существовании священных книг Нумы, содержание которых устно было передано жрецам, а сами книги захоронены вместе с телом царя. Ход на самом деле очень удачный, так как позволил, с одной стороны, вслед за канонической версией исторической традиции, отмежеваться от признания пифагореизма Нумы, а с другой – как бы молчаливо согласиться с ней, приняв во внимание общеизвестный факт о том, что пифагорейцы не записывали своего учения. Вероятно, в существовании этих версий отразилась коллизия, которая происходила от двух ветвей формировавшейся традиции: правовой, сложившейся в специальных сочинениях понтификов и магистратов-правоведов, и исторической, представленной анналистами. Для первой важно было найти истоки письменной формы понтификального права, для второй – отречься от пифагореизма Нумы.

Сохранившийся из логисторика Варрона *Curio de cultu deorum* отрывок о находке книг Нумы и их дальнейшей судьбе⁶¹ отличается от

⁵⁹ Выше мы уже отмечали, что от него может идти представление о Нуме как реформаторе религии.

⁶⁰ Cic. N.D. 3.5.

⁶¹ Varro ap. Aug. C.D. 7.34: Terentium quidam cum haberet ad Ianiculum fundum et bubulcus eius iuxta sepulcrum Numae Pompilii traiciens aratrum eruisset ex terra libros

того, что писал его современник Цицерон. Варрон не отрицает достоверности книг Нумы, но ничего не говорит о его пифагореизме, принимая, очевидно, во внимание хронологические проблемы этого сюжета. Содержание всех книг Нумы ограничивается у него причинами установления культов (*sacrorum institutorum causae*), которые, однако, оказались несовместимы с существовавшими в римской религии традиционными формами почитания богов. Поэтому отцы-сенаторы как люди «религиозные» (*religiosi*) постановили сжечь эти книги. В тексте Варрона обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, указание на то, что книги раскрывали причины установлений культов, т.е. в данном случае речь очевидно идет о том, что книги содержали профессиональные знания. Во-вторых, эти профессиональные знания по какой-то причине не устроили сенаторов, поведение которых было мотивировано их «религиозностью». Какое содержание заключает в себе данное определение, охарактеризовавшее сенаторское поведение?

Помимо Варрона антикварные штудии тоже были предметом интереса со стороны Цицерона⁶², который в трактате «О природе богов» (2.72) остановился на содержании важных для его современников понятий «религиозный – суеверный». Анализируя различие между суеверием и религией, он пишет: «те, которые целыми днями молились и приносили жертвы... были названы суеверными (*superstitiosi*), а те, которые над всем, что относится к почитанию богов, усердно размышляли и как бы перечитывали (*relegerunt*), были названы религиозными (*religiosi*)» (пер. М.И. Рижского). Тем самым Цицерон предлагает следующую этимологию: *religio* от *relegere* (перечитывать), которая прямо указывает на существование книг религиозного содержания. Но что должно быть зафиксировано в книгах, которые можно было назвать «религиозными»? Книги эти должны были сохранять установления предков и священные обряды, которые и составляли для римского гражданина содержание религиозной практики. Поэтому религия у Цицерона равнозначна мудрости (*De div.* 2.149), она помогает человеку избавиться от заблуждений, которые сопутствуют суеверию. Суеверие же, по Цицерону (*N.D.* 1.117), происходит от избытка чувств, порожденного пустым страхом перед богами. Поэтому религиозный экстаз и суеверие были для него равнозначными понятиями⁶³.

eius, ubi sacrorum institutorum scriptae errant causae, in Urbem pertulit ad praetorem. At ille cum inspexisset principia, rem yantam detulit ad senatum. Ubi cum primores quasdam causas legissent, cur quidque in sacris fuerint institutum, Numae mortuo senatus adsensus est, eosque libros tamquam religiosi patres conscripti, praetor ut combureret, censuerunt.

⁶² Rawson. 1972. V. 62.

⁶³ Muth. 1978. Bd. II. 16.1. S. 352.

С этих позиций религиозность сенаторов, отправивших на костер книги Нумы, может означать только одно – их приверженность традициям предков, которым, по их мнению, грозила опасность. Эту опасность несли в себе профессиональные знания⁶⁴. Исследование причин культов было несовместимо с «традициями предков», которые не нуждались в их объяснении. Хранителями этих традиций в римском обществе были аристократические кланы, для которых знание религиозных обрядов превратилось в интеллектуальную собственность⁶⁵. Их власть основывалась на моральном авторитете и была сосредоточена в сенате – политическом и религиозном центре жизни римского гражданского коллектива.

Учение Нумы, хотя и не было предано огласке, образовывало, в представлении Варрона, фундамент римской веры, поскольку открывало физические причины происхождения обрядов. А свою «ученость» Нума заимствовал от персов, овладев искусством гидромантии и с его помощью получив необходимые ему знания о религии. Этот факт отличает в вопросе заимствований иноземных практик позицию Варрона от установки Цицерона на следование своему, «дедовскому», опыту в вопросах государственного строительства⁶⁶.

В научной литературе существуют различные варианты осмысления эпизода 181 г. Он рассматривался, например, как ранняя ступень в «национализации» Нумы. Правда, Э. Грюэн считает эту идею ошибочной⁶⁷. Он признает, что рассказ о существовании книг Нумы бесспорно устанавливал связь между Нумой и Пифагором, но судьба, которая их постигла, символизировала освобождение религиозных институтов Рима от греческого влияния, как это было представлено в греческой историографии⁶⁸. С точки зрения исследователя, это был акт подтверждения правящим классом Римской республики своей независимости от греческой культуры. Иногда книги Нумы увязывают с деятельностью в Риме адептов культа Вакха, которых считают ответственными за их подделку. Таким способом вакханты пытались узаконить свою религиозную литературу, связав её с понтификальным правом римского благочестия

⁶⁴ Переход от традиционного дискурса к научному особенно заметен в дивинации, которая была глубоко затронута проникновением научной системы. О росте числа ученых исследований, сопровождавшихся усложнением знания, как о явлении, подготовившем культурную революцию Августова века, которая характеризовалась изменениями в структуре знания, см.: *Wallace-Hadrill* 2008. P. 231-239, 248-256.

⁶⁵ О доминировании кланов в римской религии см.: *Smith* 1996. P. 86.

⁶⁶ Об изображении царского периода в сохранившихся фрагментах сочинений Варрона см.: *Fox* 1996. P. 236-256 (об образе Нумы: P. 249-252).

⁶⁷ *Gruen*. 1990. P. 166.

⁶⁸ *Gruen*. 1990. P. 191.

вого царя⁶⁹. Поэтому обнаружение подделки потребовало от государства столь же решительных действий, как и в случае преследования поклоняющихся Вакху жителей Рима и Италии.

Решение сената относительно книг Нумы скорее всего можно объяснить в свете поведения Катона Старшего, который стремился ограничить влияние греческой культуры и просвещения на умы римских граждан. Предпринятые им в этом направлении шаги распространялись и на общественную, и на частную сферы. Он изгнал из Рима греческих философов, а своего сына учил грамоте на записанных им самим примерах из истории Рима⁷⁰, продемонстрировав тем самым, что в подготовке подрастающего поколения римлян государство должно опираться на свои силы, а не доверять это дело греческим педагогам. Его поведение в данном случае находится в полном соответствии с традициями римской аристократии, для которой «мудрость предков» как основа власти всегда была предпочтительней профессионализма, который во II в. до н.э. становился особенно заметным в таких областях знаний, как религия и право. Взамен древнего учения, основанного на *mos maiorum*, культурное пространство республики все более наполнялось «новым знанием», добытым опытными профессионалами – грамматиками, правоведами и антикварами, которые в своих работах пользовались методикой греческих академических изысканий⁷¹. Достаточно вспомнить, как век спустя Цицерон (*Acad. Post.* 1.9) высоко оценил труды Варрона. Знания о прошлом перестали быть привилегией знати, став достоянием всех римлян. С этой точки зрения существование книг Нумы очевидно стало рассматриваться как первый пример перехода от ненаучного, традиционного знания к научному, что не могло не вызвать беспокойства политической элиты Рима как хранительницы устной традиции. Сожжение книг Нумы явилось актом самосознания римской политической элиты, которой нужно было четко очертить границы своего мира перед лицом наполнявших Рим иноземных культов и в преддверии широкомасштабных завоеваний в Средиземноморье. В этом культурно-историческом контексте, когда повышалась роль «автохтонной» матрицы в созидании «национальной» истории, образ Нумы становился воплощением римской культурной идентичности, основанной на «нравах предков». Таким образом, легенда о Нуме, которая начала складываться в лоне греческой культурной традиции, призна-

⁶⁹ Forsythe. *Op. cit.* P. 106-107.

⁷⁰ *Plut.* Cato Mai. 20.5-7; 22.5.

⁷¹ Работы такого рода должны были не только упорядочить мир, но и ассимилировать традиции и культуры других народов. Они, с одной стороны, формировали прошлое, с другой – возводили фундамент будущего. См.: Glinister 2007. P. 27-32.

вавшей влияние греков на Рим с отдаленного прошлого, окончательно оформилась под влиянием римских (точнее – понтификальных) представлений о нем как о создателе римской религии и права.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Kontev A.B.* Формирование списка царей раннего Рима // Кентавр / Centaurus. Studia classica et mediaevalia. 2006. № 3.
- Kontev A.B.* Tribuni militum consulari potestate – кто они? // Вестник древней истории. 2007. № 2.
- Сидорович О.В.* Анналисты и антиквары: римская историография конца III – I в. до н.э. М., 2005.
- Суриков И.Е.* Пифагор. М., 2013.
- Brown T.S.* Timaeus of Tauromenium. Los Angeles (Berkeley), 1958.
- Cloud J.D.* The Date of Valerius Antias // Liverpool Classical Monthly. 1977. V. 2.
- Dillery J.* Quintus Fabius Pictor and Greco-Roman Historiography at Rome // Vertis in usum. Studies in Honor of Ed. Courtney / Eds. J.F. Miller, C. Damon, K.S. Myers. München, Lpz., 2002.
- Dyer Th. H.* The History of the Kings of Rome. Philadelphia, 1868.
- Enmann A.* Die ältesten Redaktion der Pontifikalannalen // Reinisches Museum für Philologie. 1902. Bd. 57.
- Emperors and Historiography. Collected Essays on the Literature of the Roman Empire by Daniel den Hengst / Eds. D.W.P. Burgersdijk, J.A. van Maarden. Leiden, Boston, 2010.
- Feeney D.* Literature and Religion at Rome. Cambr., 1998.
- Fleck M.* Cicero als Historiker. Stuttgart, 1993.
- Forsythe G.* Dating and Arranging the Roman History of Valerius Antias // OIKISTES. Studies in Constitutions, Colonies, and Military Power in Ancient World. Offered in Honor of A.J. Graham / Eds. V.B. Gorman, E.W. Robinson. Leiden, Boston, 2002.
- Fox M.* Roman Historical Myths. The Regal Period in Augustan Literature. Oxford, 1996.
- Gabba E.* Considerazioni sulla tradizione letteraria sulle origini della repubblica // Les origines de la republique romaine. Geneva, 1967.
- Glinister F.* Constructing the Past // Verrius, Festus and Paul. Lexicography, Scholarship, and Society / Eds. F. Glinister, C. Woods. L., 2007.
- Gruen E.S.* Studies in Greek Culture and Roman Policy. Leiden, N-Y, Koln, 1990.
- Heilen St.* Ancient Scholars on the Horoscope of Rome // Culture and Cosmos. 2007. V. 11. No. 1 and 2.
- Humm M.* Numa and Pythagoras: The Life and Death of a Myth // The Roman Historical Tradition. Regal and Republican Rome / Eds. J.H. Richardson, F. Santangelo. Oxf., 2014.
- Kaibel G.* Epicharmos (2) // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1907. Bd. 6.1.
- Klotz A.* Livius und seine Vorgänger. Amsterdam, 1964.
- Lewis G.C.* An Inquiry into the Credibility of the Early Roman History. L., 1855. V. 1.
- Muth R.* Vom Wesen römischer 'religio' // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. B., N-Y, 1978. Bd. II. 16.1.
- Ogilvie R.M.* A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxf., 1965.
- Pais E.* Storia di Roma. Turin, 1898. V. 1.
- Pascucci G.* Le component linguistiche del latino secondo la dottrina varroniana // Studi su Varrone sulla retorica storiografia e poesia Latina. Rieti, 1979. V. 2.

- Rawson E.* Cicero the Historian and Cicero the Antiquarian // *Journal of Roman Studies*. 1972. V. 62.
- Rosen K.* Die falschen Numabücher. Politik, Religion und Literatur in Rom 181 v. Chr. // *Chiron*. 1985. Bd.15.
- Schwegler A.* Römische Geschichte. Tübingen, 1884. Bd. 1.
- Smith Ch.* Dead Dogs and Rattles. Time, Space, and Ritual Sacrifice in Iron Age // *Approaches to the Study of Ritual* / Ed. J.B. Wilkins. L., 1996.
- Thomsen R.* King Servius Tullius. A Historical Synthesis. Copenhagen, 1980.
- Wallace-Hadrill A.* Rome's Cultural Revolution. Cambr., 2008.

REFERENCES

- Koptev A.V. Formirovanie spiska tsarei rannego Rima // *Kentavr / Centaurus*. *Studia classica et mediaevalia*. 2006. № 3.
- Koptev A.V. Tribuni militum consulari potestate – kto oni? // *Vestnik drevnei istorii*. 2007. № 2.
- Sidorovich O.V. Annalisty i antikvary: rimskaya istoriografiya kontsa III – I v. do n.e. M., 2005.
- Surikov I.E. Pifagor. M., 2013.
- Brown T.S. Timaeus of Tauromenium. Los Angeles (Berkeley), 1958.
- Cloud J.D. The Date of Valerius Antias // *Liverpool Classical Monthly*. 1977. V. 2.
- Dillery J. Quintus Fabius Pictor and Greco-Roman Historiography at Rome // *Vertis in usum*. *Studies in Honor of Ed. Courtney* / Eds. J.F. Miller, C. Damon, K.S. Myers. München, Lpz., 2002.
- Dyer Th. H. The History of the Kings of Rome. Philadelphia, 1868.
- Enmann A. Die ältesten Redaktion der Pontifikalannalen // *Reinisches Museum für Philo-logie*. 1902. Bd. 57.
- Emperors and Historiography. Collected Essays on the Literature of the Roman Empire by Daniel den Hengst / Eds. D.W.P. Burgersdijk, J.A. van Maarden. Leiden, Boston, 2010.
- Feeney D. Literature and Religion at Rome. Cambr., 1998.
- Fleck M. Cicero als Historiker. Stuttgart, 1993.
- Forsythe G. Dating and Arranging the Roman History of Valerius Antias // *OIKISTES*. *Studies in Constitutions, Colonies, and Military Power in Ancient World*. Offered in Honor of A.J. Graham / Eds. V.B. Gorman, E.W. Robinson. Leiden, Boston, 2002.
- Fox M. Roman Historical Myths. The Regal Period in Augustan Literature. Oxford, 1996.
- Gabba E. Considerazioni sulla tradizione letteraria sulle origini della repubblica // *Les origins de la republique romaine*. Geneva, 1967.
- Glinister F. Constructing the Past // *Verrius, Festus and Paul*. *Lexicography, Scholarship, and Society* / Eds. F. Glinister, C. Woods. L., 2007.
- Gruen E.S. *Studies in Greek Culture and Roman Policy*. Leiden, N-Y, Koln, 1990.
- Heilen St. Ancient Scholars on the Horoscope of Rome // *Culture and Cosmos*. 2007. V. 11. No. 1 and 2.
- Humm M. Numa and Pythagoras: The Life and Death of a Myth // *The Roman Historical Tradition. Regal and Republican Rome* / Eds. J.H. Richardson, F. Santangelo. Oxf., 2014.
- Kaibel G. Epicharmos (2) // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1907. Bd. 6.1.
- Klotz A. *Livius und seine Vorgänger*. Amsterdam, 1964.
- Lewis G.C. *An Inquiry into the Credibility of the Early Roman History*. L., 1855. V. 1.

- Muth R. Vom Wesen römischer 'religio' // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. B., N-Y, 1978. Bd. II. 16.1.
- Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books 1-5. Oxf., 1965.
- Pais E. Storia di Roma. Turin, 1898. V. 1.
- Pascucci G. Le component linguistiche del latino secondo la dottrina varroniana // Studi su Varrone sulla retorica storiografia e poesia Latina. Rieti, 1979. V. 2.
- Rawson E. Cicero the Historian and Cicero the Antiquarian // Journal of Toman Studies. 1972. V. 62.
- Rosen K. Die falschen Numabücher. Politik, Religion und Literatur in Rom 181 v. Chr. // Chiron. 1985. Bd.15.
- Swegler A. Römische Geschichte. Tübingen, 1884. Bd. 1.
- Smith Ch. Dead Dogs and Rattles. Time, Space, and Ritual Sacrifice in Iron Age // Approaches to the Study of Ritual / Ed. J.B. Wilkins. L., 1996.
- Thomsen R. King Servius Tullius. A Historical Synthesis. Copenhagen, 1980.
- Wallace-Hadrill A. Rome's Cultural Revolution. Cambr., 2008.

Сидорович Ольга Витольдовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета; varro52@mail.ru

Numa and Pythagoras: cultural and historical context of the Roman historiography

The paper analyses two aspects of the legend of the Pythagoreanism of King Numa Pompilius. The one aspect considers Numa as a disciple of Pythagoras of Samos, the other deals with the episode of the discovery of Numa's Books in Rome in 181 B.C., and burning them in accordance with the resolution of the Roman Senate. According to information received from Greek and Roman authors it is possible to fix the date of origin of this myth, to trace back the stages in its development and to point out different forms of its existence in the Republican Rome. The author stresses the decisive role of the pontiffs in making Numa the founder of Roman religious and legal institutions.

Keywords: Ancient Rome, Numa, Pythagoras, Tiberius Coruncanus, Pythagoreanism, Roman historical tradition, the annalists, the antiquarians, M. Terentius Varro, pontiffs, the Numa's Books, Roman religion.

Sidorovich Olga, Dr Sc. (History), Professor, Department of Ancient History, Institute of Oriental Cultures and Antiquity, Russian State University for Humanities; varro52@mail.ru